Фамилия Николая Александровича Плотникова определила его жизненную стезю. Хотя приобрел престижную профессию крановщика башенного крана, но работа с деревом со временем взяла свое. Видимо, предки не зря звались плотниковыми – профессия определила родовую принадлежность. Говорят, что призвание – от Бога, у Николая Александровича еще и от рода. О чем красноречиво свидетельствует его дом, украшенный затейливой резьбой. Будто терем из сказки предстает он пред взором прохожего.

В саду, за домом, мастерская, уставленная всевозможными станками собственного изготовления. Сверлильные, строгальные, фрезерные, шлифовальные, правильные и прочие, разнообразного назначения, о котором знает лишь сам хозяин: самородок и изобретатель.

К нему тянулись за помощью все родные. Обустройство дома требует помимо желания, еще и умение. А последнее далеко не у каждого в наличии. И Николай Александрович по доброте душевной никому не отказывал, да и сейчас, когда жизненный путь перешел рубеж в 70 лет, не отказывает. Совесть не позволяет. Живет по формуле: «Можешь человеку помочь – помоги, не можешь – все равно помоги».

Раньше-то в Берсеневке народ единой семьей жил. Ни замков, ни заборов, ни сторожевых собак… И душа у каждого «нараспашку». Что ни двор, то мастер какого-то дела. Славилась Берсеневка своей стройной обихоженностью. Не случайно выбрано было село съемной площадкой кинофильма «Срочный вызов».

О былой сердечности и открытости, патриархальности села сетует Плотников.

— Ныне в наш степенный деревенский уклад вторгся город со своим чуждым селу нравом, - рассуждает Николай Александрович, - коттеджи понастроили так, что проезды перегородили напрочь. Повсюду трехметровые заборы, злые собаки… Обособились люди, в каждом подворье свой мир, и кто там живет, не узнать. Хотели всем миром

старенький дом купить и снести, чтоб проезд на улицу открыть. Не получилось.
Вот и вспомнишь добрым словом Сергея Григорьевича Максимова, депутата сельского Совета. Он заботами селян жил, порой поступаясь своими интересами. Хлопотал насчет дорог, газа, для людей старался.
Плотников помнит тех, кто олицетворял старую Берсеневку. Образованная на стыке 17-18 веков, деревня бережно хранила свой особенный крестьянский уклад вплоть до перестройки. Рядом с Плотниковым жил прадед, Осип Чегин. Швец, обшивавший все село. Шил шубы из овчин, добротные и удобные. Он с японской войны без одной ноги пришел. Пенсию ему царское правительство положило. Но он не сидел без дела. Брал в аренду швейную машинку у евреев и шил полушубки, шубы, тулупы. Отбоя от заказчиков не было.
Рядом жил дед, родственник по материнской линии. Звали его Ефимом, а по уличному – Дикий. Откуда это прозвище пристало, как репей к мастеру – золотые руки? Срубы рубил, дома ставил не только односельчанам, на поклон к нему ходили горожане. Немало домов поставил по улице Красная.
Улицу старики тополями да ветлами засадили. Так вот, Ефим срубил дерево, оставив высоченный пень, из которого бюсты Ленина и Сталина соорудил. От него, видимо, с генами, передалась тяга к плотническому делу и самому Николаю Александровичу.
— По женской линии я из рода Чегиных, - не без гордости продолжает Николай Александрович, - а Чегины всегда со спортом дружили. Я в лыжных гонках любил участвовать, в сборную Мордовии входил. На север и Урал ездил соревноваться. И жена моя, Ольга Васильевна, мастер спорта, чемпионка Мордовии по лыжным гонкам, спортивному ориентированию, многоборью ГТО.
До 50 лет в соревнованиях участвовал Николай Александрович по своей возрастной категории. А сейчас для здоровья становится на лыжи.
Плотников из рода долгожителей. С ним живет бабушка, Софья Николаевна Плотникова. Ей скоро 97 лет исполнится. Долгую жизнь прожила, хотя судьба не жаловала.
До Великой Отечественной и после с народа налоги драли в три шкуры. Посадил яблоню – плати, завел овцу – сдавай шерсть, корову – масло… За недоимку живность со двора сводили, а то и посадить могли. Но чаще части земельного надела лишали. Подворьем да огородом жил народ. Если скот сведут и надел отрежут, то голод поселится в доме. Поэтому бабка Софья на стороне покупала масло, яйца, шерсть, чтоб недоимку закрыть. А то беда – семьи-то большие были. Вот и выручало ремесло.
- Сейчас-то мы живем припеваючи. Софья Николаевна говорит, что Маленков, председатель Правительства СССР, отменил тяжкие налоги. И народ вздохнул. В память о нем Малинковский стакан большой вместимости остался.
Народ на нашей улице мастеровой жил и с чудинкой. Макаровы, Николаевы, Федосеевы, Михеевы. Через двор от нас дед Михей Федосеев держал подворье, - продолжает Николай Александрович, - в Германской воевал, Зимний дворец штурмовал, с Лениным знаком был. 95 лет прожил. Был он человеком грамотным. Привез с собой труды Ленина и Манифест Коммунистической партии. Держал он пасеку. Но работать не любил.
С войны мужики пришли, стали новые дома ставить. Ему говорят, мол, Михей, и ты строй, твой домишко-то на ладан дышит.
— Мне коммуна построит, - отвечал он.
Солома на крыше сгнила, дождь по потолку стал стучать, балка сгнила и прогнулась и,

рухнув, чуть не задавила хозяина. Не дождавшись, когда ему коммуна новый дом соорудит, принялся дед жилье обновлять и все ворчал: почему, мол, коммунизм с приходом тянет…

Работа с деревом для Владимира Александровича в радость. Он с ним как с одушевленным предметом общается. Выводит на своих станках замысловатые изделия, ласкающие взор. А может он многое. Может резную лестницу соорудить, чтоб на второй этаж по ней взобраться. Да такую, что современная мебель перед ней уродливой смотрится. Мастерство на уровне искусства.

НИКОЛАЙ СКОБЛИКОВ.